

виях» (стр. 13). Поэтому автор ограничивает свою задачу констатацией того, как питались фриулы в прошлом столетии и как они питаются сейчас. Однако Перуззини-Антонини всегда, когда это возможно, стремится показать местную специфику тех или иных распространенных у фриулов блюд, а также установить их происхождение.

Во введении автор сообщает, на основании каких источников написана работа. Для XIX в.— это в основном рецептарии, хранящиеся в частных домах, а также записи о расходах некоторых монастырей. К источникам Перуззини-Антонини подходит вдумчиво и уже во введении отмечает, влияние какой из соседних кухонь (венецианской, австрийской и пр.) ощущается в приготовлении большинства блюд в той или иной семье. Автора не смущает, что рецептарии происходят в основном из семей, как она выражается «господских классов» (*classi signorili*). Она считает, что и эти семьи в приготовлении пищи придерживались тех же местных традиций, что и крестьяне.

Двадцать один раздел книги посвящен описанию отдельных видов блюд, например, мясных и рыбных, кушаний из дичи, соусов, разных типов поленты, тортов, кремов и пр. В 22-м разделе автор рассказывает о характерной фриульской кухонной утвари. 23-й раздел книги (написанный Итало Космо) знакомит читателей с фриульскими винами.

Каждому разделу автор предпосылает краткое введение, где стремится отметить наиболее популярное из описанных блюд, а также по возможности упомянуть время появления различных блюд в Фриули. Во введениях к некоторым разделам Перуззини-Антонини привлекает большой сравнительный материал, отмечая как сходство, так и различие в приготовлении тех или иных блюд фриулами и жителями других областей Италии, а также соседними народами. После введения в разделе обычно приводятся рецепты отдельных кушаний.

Наиболее интересен раздел книги «Приправленная полента» (стр. 150—169). Антонини-Перуззини исследовала древнеримский рецептарий некоего Апиция (*Apici, De re coquinaria, Villasanta, 1930*) и нашла в нем рецепт приготовления блюда, которое она считает «предком» современной кукурузной густо сваренной каши, распространенной в наши дни во многих областях Италии и называемой полентой. В Древнем Риме подобная каша или густая похлебка носила название *puls*. Апиций дает в своей кулинарной книге рецепт блюда, называемого *pultes iulianae*, т. е. юлийские похлебки⁴. На основании этого названия автор и заключает, что полента зародилась как раз в Фриули. Естественно, что полента Апиция готовилась не из кукурузы, которую тогда еще не знали, а из особого вида пшеницы — спельты. Перуззини-Антонини пишет, что в Фриули тоже до введения кукурузы поленту готовили из этого же вида пшеницы, а также из сорго и гречихи. Приведя рецепты Апиция и современные фриульские рецепты приготовления поленты, автор показывает, что здесь существует преемственность и в деталях. В книге мы находим данные о приготовлении поленты в Фриули в средние века, а также узнаем, что кукуруза пришла сюда через Венецию в середине XVI в. и, по-видимому, вскоре ее стали использовать и для поленты.

Книга Джузеппины Перуззини-Антонини — первая монография, специально посвященная пище фриулов. К числу ее достоинств следует отнести необыкновенную скрупулезность при исследовании предмета и хороший стиль изложения.

Н. Красновская

⁴ Одним из первых римских городов на территории современной области Фриули был Форум Юлии, от которого она и получила свое имя.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

N. Glazer and D. P. Moynihan. *Beyond the Melting Pot. The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians and Irish of New York City*. Cambridge, Massachusetts, 1963.

В книге Н. Глейзера и Д. П. Мойнихена анализируется жизнь крупнейших этнических групп, составляющих население современного Нью-Йорка. Анализ национальной и социальной жизни огромного капиталистического города представляет собой большой интерес для этнографического и социологического изучения городского населения вообще, хотя Нью-Йорк не может считаться ни средним, ни даже типичным городом. Это, скорее, тот крайний случай, в котором наиболее ярко выражены общие закономерности. Достаточно сказать, что почти половину нью-йоркского населения, по данным переписи 1960 г., составляют выходцы из разных, преимущественно европейских, стран и их дети, 8% — пуэрториканцы и 14% — негры.

Нью-Йорк издавна — город многонациональный. Его иммигрантское население неоднократно служило предметом исследования¹, которое важно для изучения всего

¹ См., например, книгу Р. Эрнста о нью-йоркских иммигрантах XIX в. R. Ernst, *Immigrant Life in New York City, 1825—1863*, New York, 1949.

американского населения, складывания американской нации, ассимиляции ею различных национальных элементов и т. д. Эта сторона и обуславливает проблематику книги. В предисловии авторы резко оспаривают имеющую широкое хождение в США теорию «плавильного котла», по которой все иммигрантские национальности переплавляются в единую американскую нацию. Однако в ходе изложения это отрицание звучит значительно менее категорично и даже неоднократно опровергается материалом. Немцы, по утверждению Д. П. Мойнихена (стр. 311), совершенно ассимилировались и исчезли как группа, ирландцы проделали тот же путь, но в меньшей мере. Соответствующие прогнозы делаются в книге и насчет более молодых иммигрантских национальностей.

Авторы подчеркивают устойчивость иммигрантских групп. Констатируя, тем не менее, постепенную утрату этими группами национальных бытовых и культурных особенностей, они приписывают эту устойчивость их религии. Причину обособления авторы видят также в расе. Таким образом, создаются, по выражению авторов, «субнациональности», являющиеся структурным признаком американской нации. В соответствии с этой системой к национальным меньшинствам отнесены в книге даже белые протестанты англо-саксонского происхождения, т. е. группа, представляющая собой для буржуазного общественного мнения США воплощение «американизма». Ведь она, на взгляд авторов, обладает и религиозными, и расовыми характеристиками. Но вот пуэрториканцы, крупная новейшая иммигрантская группа, в авторскую схему не укладываются: в религиозном отношении они католики, в расовом — близки к неграм. Впрочем, заключая книгу справедливым утверждением о том, что американская нация окончательно не сложилась, авторы ссылаются на «таинственный» характер происходящих в ней процессов. В одном отношении тайна разоблачена в самой книге: «Время от времени важнейшие вопросы классовых отношений принимают этническую форму» (стр. 303). Раздувание этнических особенностей и распрей, которыми прикрываются классовые противоречия, — устойчивая традиция американских правящих классов. Ею выработан особый язык социальной и политической жизни, в котором вместо терминов, относящихся к классам, подставляются термины, относящиеся к этническим общностям. Язык этот метко охвачен в книге «этнической стенографией». Та же тенденция — по отношению к прошлому — находит место и в исторической литературе².

Книга «За плавильным котлом» начинается с предисловия и обширного введения и завершается обобщающей главой. Между ними расположены главы об отдельных этнических группах. Взятые, разумеется, не все многочисленные национальности Нью-Йорка, а лишь крупнейшие и наиболее характерные. В каждой главе дается история данной группы, характеризуется ее экономическая и социальная структура и, в связи с этим, расселение. Анализ взаимоотношения социальных и этнических черт — положительная сторона книги. Рассматривается также семейный строй каждой группы, ее религиозные организации и отношение к политике. Наиболее интересны, пожалуй, главы о неграх и пуэрториканцах.

Нью-йоркских негров Н. Глейзер, автор соответствующей главы, приравнивает к иммигрантским национальностям на том основании, что переезд с юга США на север являлся для них не меньшим переломом, чем для европейцев переселение за океан. Это натянутое положение опровергается далее самим Глейзером, когда он справедливо заявляет, что у негров нет языка и культуры, отличных от американских, и что негритянская проблема имеет общеамериканский характер. В 1960 г. в Нью-Йорке жило более миллиона негров, составлявших 14% его населения, т. е. несколько меньшую долю, чем в крупных промышленных городах Среднего Запада — Чикаго, Кливленде, Детройте. В связи с характером экономики Нью-Йорка малоквалифицированную работу, составляющую обычно удел негров, там легче получить женщинам, значительная часть которых живет в прислугах. Разрыв между зарплатой негритянок и белых работниц меньше, чем разрыв между зарплатой негров и белых рабочих-мужчин. Техническая революция, устраняющая в значительной степени потребность в неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих, создает особенно острую проблему для негров.

В чрезвычайной слабости и малочисленности негритянской буржуазии Нью-Йорка, которая подвизается почти исключительно в парикмахерском деле, косметических заведениях и похоронных бюро, автор видит чуть ли не причину всех негритянских бед, начиная с безработицы. По этой причине, считает он, негритянское меньшинство не имеет должного руководства. Насквозь буржуазная идея о том, что только буржуазия призвана быть естественным вождем каждой национальной группы, сквозит во всех главах книги. Н. Глейзер отмечает очень большую, по сравнению с другими этническими группами, организационную и политическую роль негритянских церковных организаций. Он упоминает о распрях, которые существуют между негритянской и другими этническими группами Нью-Йорка на почве классовых отношений и конкуренции на рынке труда. Негры не доверяют «белым либералам», в связи с чем среди

² См., например, L. Benson, *The Concept of Jacksonian Democracy. New York as a Test Case*, Princeton, New York, 1961, ch. VIII.

них усиливаются тенденции своеобразного негритянского национализма, проявляющиеся, в частности, в движении «черных мусульман». К американскому либерализму, определенному в книге чрезвычайно широко, примыкают и сами авторы, которые, разделяя ограниченность этого либерализма, в ряде мест нарочито отмежевываются от всего, напоминающего коммунизм.

Материал для главы о пуэрториканцах в значительной степени почерпнут из недавних полевых исследований — неопубликованных диссертаций и студенческих работ. Массовая пуэрториканская иммиграция началась после второй мировой войны, и в 1960 г. Нью-Йорк имел 600 тыс. пуэрториканских иммигрантов первого и второго поколений, которые составляли 8% его жителей. Это — преимущественно неквалифицированное рабочее население, занимающее низшую ступень общественной лестницы. Безработица здесь больше, чем среди негров, а средний доход пуэрториканской семьи ниже, чем семьи негритянской. Пуэрториканские семьи многодетны, и автор придает этому обстоятельству слишком большой вес при объяснении причин их бедности.

Нью-йоркские пуэрториканцы поддерживают тесную связь с родным островом, часто ездят туда. В книге дана интересная характеристика традиционной семьи на Пуэрто-Рико и тех изменений, которым она подвергается в бытовых условиях США. Во главе пуэрториканской семьи (как и во главе негритянской семьи) часто стоит женщина. Это явление, имеющее свои корни в прошлом обеих групп, связано в их настоящем с безработицей и общественной неустроенностью, которые вынуждают мужчин искать заработка на стороне и нередко покидать семью.

Вопрос о культурной ассимиляции пуэрториканцев — испаноязычной метисной группы — стоит несколько иначе, чем стоял он для более ранних иммигрантских групп: стандартизованная «массовая культура», распространяемая американским радио, телевидением, кино, рекламой и т. д., оказывает на них свое влияние и до эмиграции. В этом отношении они высаживаются на берега США гораздо более «американизованными», чем иммигранты XIX и начала XX в. Однако культурное своеобразие они сохраняют. Песни и танцы Пуэрто-Рико уже стали, благодаря иммигрантам, частью нью-йоркской народной культуры.

Две главы посвящены иммигрантским национальностям, массовый приток которых начался в конце XIX в. — итальянцам и евреям. И те и другие вливались преимущественно в рабочее население города. Характерной для еврейских рабочих отраслей стала швейная промышленность, для итальянских — строительство. По переписи 1960 г. евреи составляли 1/4 населения Нью-Йорка, итальянцы 1/6. Среди тех и других — в разной мере и с различными особенностями — происходила социальная дифференциация. За последние десятилетия особенно увеличилась доля так называемых «белых воротничков», т. е. служащих, работников умственного труда и т. д. Отмечая эту важную черту — относящуюся, хотя и в гораздо меньшей степени, также к неграм и пуэрториканцам — Н. Глейзер упускает из виду, что она является общей современной тенденцией США и других развитых капиталистических стран. Являясь следствием научно-технической революции, она затрагивает все население этих стран, причем рабочий класс уже не ограничивается, как в прошлом, людьми физического труда, к нему следует, по совокупности структурных признаков, относить и «белые воротнички».

Н. Глейзер отмечает прочность семейных связей как в итальянской, так и в еврейской группе. Для итальянцев, большей частью выходцев из отсталой южной Италии, характерно расселение земледельцами, устойчивостью патриархальных деревенских черт быта. В эксплуатации итальянских трудящихся огромную роль сыграла местная итальянская буржуазия. «Падрони», подрядчики-итальянцы, вместе с «банкирами», т. е. итальянскими лавочниками и т. д., переправлявшими деньги семьям эмигрантов на родину, отнимали у трудящихся итальянцев колоссальные суммы. Это обстоятельство, а также идеологическое влияние «падрони» тормозили профсоюзную деятельность итальянских рабочих.

В книге неоднократно упоминается колоритная отрасль коммерции, практиковавшаяся на известной ступени всеми иммигрантскими группами. Это — «организованные преступления», преступный бизнес: контрабандная торговля спиртными напитками во время сухого закона, игорные притоны, торговля наркотиками и т. д. Таковы же и раскрытые после выхода рецензируемой книги подвиги американской мафии. Операции подобного рода способствовали не только обогащению, но и политическому влиянию иммигрантской буржуазии, в Нью-Йорке, например, на «машину» демократической партии.

Выходцы из южной Италии исповедовали, по существу, различные деревенские культы, — пишет автор, — и в Америке не были усердными прихожанами церкви. Но среди третьего поколения влияние католичества, организованной американской католической церкви, очень возросло. В современной Америке человеку положено иметь религию, а католическая церковь, активизирующаяся во всех странах, является в США самой многочисленной и мощной церковной организацией. Тесная связь с ней характерна прежде всего для блюдушей респектабельность растущей итальянской буржуазной прослойки. Влияние католической церкви автор рассматривает как рычаг американской ассимиляции итальянцев.

Наименьший, пожалуй, интерес представляет глава об ирландцах. Прежде всего, они не характерны для национального состава современного Нью-Йорка. Это — старая, «коренная» иммигрантская группа, массовый приток которой произошел более 100 лет назад, когда ирландцы составляли 1/4 населения города.

Ирландская группа в значительной степени ассимилирована, как отмечает автор главы Д. П. Мойнихен. Многие черты культуры и речевые навыки ирландцев стали частью культуры Нью-Йорка и уже не считаются ирландскими, — пишет он (стр. 252). Ирландцы, начавшие свой американский путь чернорабочими, теперь представляют собой в Нью-Йорке национальную группу, члены которой равномерно распределены в экономическом и социальном отношениях. Для молодого итальянца ирландка, да еще окончившая католическую школу, — наивыгоднейшая партия. Правда, Д. П. Мойнихен неоднократно сетует на то, что ирландцы разбогатели недостаточно, и ищет этому объяснения. Одно из них он находит в том, что они потратили много сил и средств на создание в Америке католической церкви, причем, подчеркивает он, из-за безбрачия католических священнослужителей даже потомства от своих священников ирландская национальная группа не получила (католические священники в Америке уже более столетия — в подавляющем большинстве — ирландцы), между тем как дети протестантских священников сыграли видную роль во всех областях истории США.

В главе об ирландцах очень много места уделено политической жизни Нью-Йорка в прошлом и настоящем. Автор гордится тем, что Нью-Йорк под ирландским влиянием управлялся будто бы «людьми из народа» и, вопреки всякому правдоподобию, ставит его в этом отношении выше Парижской Коммуны, где народоправство было, по его мнению, «изолированным явлением»! Стоит ли говорить, что служители капитала, какого бы они ни были происхождения, вообще не могут быть поставлены на одну доску с деятелями первой пролетарской диктатуры!

Богатый материал, приведенный в книге, показывает, что вопреки декларативному утверждению авторов, «переплавка» национальных групп все же происходит. Несмотря на некоторые центристремительные тенденции последнего времени в расовых и национальных группах, что находит себе объяснение как в мировых событиях, так и во внутриамериканских процессах³, слияние продолжается. При всем национальном своеобразии и культурных различиях участвующих в нем групп — это единый процесс. Каждая иммигрантская национальность начинает, как правило, с низшей ступени, с черной работы, затем подвергается процессам классового расслоения, на нижней же ступени ее заменяет следующая иммиграционная волна. Механика начальной стадии этого процесса была раскрыта Энгельсом, когда он писал, что прилив иммигрантов позволяет «основной массе коренного американского населения... «отказываться» от занятия наемным трудом и становиться фермерами, торговцами или предпринимателями»⁴. Каждая из описанных в книге групп представляет собой тот или иной исторический этап общего процесса слияния.

Книга «За плавильным котлом» возбудила большой интерес в зарубежной научной литературе — целый ряд журналов поместил на нее рецензии. Важность и острота поставленных в ней проблем, богатый материал, привлеченный к их освещению, оправдывают этот интерес. В книге трактуются вопросы, существенные как для национального развития США, так и для национальных и расовых отношений в капиталистическом мире вообще. Хотя вопросы эти авторами не решены, книга представляет большой интерес и для советского читателя.

III. Болина

³ См. Н. Lumer, *Marxism and Assimilation*, «Political Affairs», Jan. 1965, стр. 37—45.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 263.

Л. А. Шур. *Россия и Латинская Америка. Очерки политических, экономических и культурных отношений*. М., 1964, 158 стр.

Если изучение прошлого нашего востоковедения уже данно и с полным правом занимает видное место в советской историографии, то история русской американистики и, особенно, латиноамериканистики оставалась до последнего времени вне поля зрения специалистов.

Более того. Эта область исследования, как бы значительны и интересны ни были отдельные ее эпизоды, уже по традиции считалась лишней перспектив прежде всего из-за отсутствия материала.

Систематическое изучение вопросов русско-латиноамериканских связей, пионером которого явился автор рецензируемой книги¹, показало, насколько безосновательным

¹ См.: Л. А. Шур, Из истории литературных связей России и Латинской Америки в XIX веке, в кн. «Художественная литература Латинской Америки в русской печати», М., 1960; е го ж е, Испанская и Португальская Америка в русской печати XVIII — пер-